Pushkin, Aleksandr
Sergeevich
Ballady

Цена 2 руб.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА № 122.

А. С. Пушкин.

БАЛЛАДЫ

(РАССКАЗЫ В СТИХАХ),

СКАЗКА и ПОЭМЫ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Валерия Брюсова.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1919.

НАРОДНАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. С. Пушкин.

БАЛЛАДЫ

(РАССКАЗЫ В СТИХАХ),

СКАЗКА и ПОЭМЫ.

Под редакцией

Валерия Брюсова.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Просвещению.
МОСКВА.—1919.

Все сочинения **А. С. Пушкина монополизированы** Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена** под страхом ответственности перед законом страны.

Заведующий Лит.-Изд. Отд. Нар. Ком. Просв.

П. И. Лебедев-Полянский.

Вторая Государственная типография, Трехпрудный, 9.

БАЛЛАДЫ,

(РАССКАЗЫ В СТИХАХ).

Балладой называется короткий рассказ в стихах, большею частью с содержанием фантастическим (сказочным), но иногда и из действительной жизни. Пушкин для своих баллад обычно пользовался народными сказаниями и песнями.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Молдавская песня.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня;
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

С тобою пируют (шепнул он) друзья,
Тебе ж изменила гречанка твоя.

Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстром коне,
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света: булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820 г.

Эта баллада — перевод народной молдавской песни (*молдаване* — народ, живущий в Румынии и в Бессарабии, преимущественно по берегам реки Дуная). Пушкин старался сохранить в своих стихах характерные обороты песни и поэтому писал «хладный» вместо холодный, «младую» вместо молодую, «булат» вместо кинжал или нож, и т. под., а также выражения, в роде: «презренный еврей», «гляжу, как безумный» и др.: все это взято из народной песни. Самую песню Пушкин слышал в Кишиневе, где ее пела одна молдаванка, служившая в ресторане.

РУСАЛКА.

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренный
Себе могилу старец рыл
И лишь о смерти вожделенной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился Богу.
Дубровы делались черней,
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах...

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у брегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные власы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг падучею звездою
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день:
Перед собой с невольной думой
Все видел чудной девы тень.
Дубровы вновь оделись тьмою,
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
„Монах, монах! Ко мне, ко мне!..“
И вдруг в волнах прозрачных тонет...
И все в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тень ночную,
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

1819 г.

Анахорет—слово греческое, значит: отшельник. В балладе пересказано предание, распространенное в разных местностях, о монахе или отшельнике, которого соблазнила русалка или водяная «нимфа». Во времена Пушкина казалось большой смелостью выводить в таком виде монаха. Вероятно, из опасения цензурных затруднений Пушкин назвал свою балладу «Русалка», а не «Монах», как предполагал раньше.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ.

Как ныне сбирается вещий Олег
Огмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

„Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня.“

„Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таягся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава —отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда,
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могучему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего:
Но примешь ты смерть от коня своего."

Олег усмехнулся; однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый,
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

„Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай: уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
Въ мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевою поите."
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

„А где мой товарищ“, промолвил Олег:
„Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Все так же ль легóк его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?“
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: „Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье,
Мой конь и доныне носил бы меня.“
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: „Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне уже недалекой
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!..

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!"
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

— —

Ковши круговые запенясь шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822 г.

Пушкин заимствовал рассказ о князе Олеге, которого прозвали «вещий», т. е. прозорливый, мудрый, из старинных летописей. Поэтому в стихотворении много старинных слов и выражений. *Хазары*—кочевое племя, которое часто делало набеги на русские селения и грабило их. *Царьград*, ныне Константинополь,—столица существовавшей при Олеге (X в. по Р. Х.) Греческой или Византийской империи; из Царьграда русские получали разные тонкие изделия и лучшее оружие, нежели то, какое могли изготовлять сами. *Кудесник*, *волхв* — предсказатель, жрец богов, которым поклонялись русские славяне до принятия христианства; главным из этих богов был *Перун*, бог грома. *Дружина*—отряд воинов, непосредственно состоявший под начальством князя. *Отроки* — его приближенные. *Секира* — топор. *Игорь* — сын Рюрика. *Ольга* — его жена и преемница. *Гости* — купцы, приезжие торговцы. *Тризна*—похоронный пир.

В X веке Россия делилась на мелкие *княжества*; русские (славяне) были еще народом мало просвещенным, поклонялись идолам, часто сами делали набеги на соседей с целью грабежа. Олег действительно ходил с войском на Царьград и, по преданию, прибил свой щит к его воротам в память своих побед над греками. Христианство русские приняли только при преемниках Олега, при Ольге и Владимире.

УТОПЛЕННИК.

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
„Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца.“
— „Врите, врите, бесенята“,
Заворчал на них отец,
„Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь.
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?“—„Вон, тятя, э-вот!“
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец, -

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит
И потопленное тело
В воду за ноги тащит

И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу.“

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река;
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там, в окно стучит.

„Кто там?“—„Эй, впусти, хозяин!“—
„Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда!
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно.“
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится, —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,

Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул,
Гостя голого узнав,
Так и обмер. „Чтоб ты лопнул!“
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра все стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828 г.

Надо напомнить, что стихотворение написано задолго до преобразования суда в 1863 г. В те времена всякий *суд* был настоящим несчастием, и каждый употреблял все усилия,— только бы не иметь дела с судьями, пользовавшимися всеми предлогами, чтобы вымогать у обывателей деньги. Баллада пересказывает подлинное народное предание. Во времена Пушкина (в 20-х годах XIX в.) было ново и очень смело изображать народную жизнь без всяких прикрас и допускать в стихах такие выражения, как: «чтоб ты лопнул!» и т. под. Большая заслуга Пушкина в том, что он утвердил в русской поэзии ***реализм***, т.-е. верное изображение действительности.

ГУСАР.

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
„Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке;
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши...“
— „А чем же? расскажи, служивый“.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: „Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот, с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью,—Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь, уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума!—
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? Враг попутал видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? Кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой;
Там с полки скляночку взяла,
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя! .
И с печки слез—и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! Что за дрянь?
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лахань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой,—
Как фыркнет он! Я: брысь!.. И вот—
И он туда же за лаханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! Все в печку поскакало.

Кой чорт! Подумал я: теперь
И мы попробуем! И духом
Всю склянку выпил; верь не верь,—
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда,—не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и нàземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят, и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! Кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят!—Но я, не струся:

Домой? да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу!—Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Иль передался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!—На̀, дурень, вот и конь.—
И точно: конь передо мною
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

Садись.—Вот сел я на коня,
Ищу уздечки,—нет уздечки.
Как взвился, как понес меня,—
И очутились мы у печки.

Гляжу: все так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вот что случается порою.“

И стал крутить свой длинный ус,
Прибавя: „Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.“

1833 г.

Действие баллады перенесено Пушкиным в Украину, где долго держались в народе поверья про ведьм, будто бы летающих ночью на метле или кочерге на «Лысую гору» справлять «шабаш». В балладе сохранена манера говорить старого солдата пушкинских времен, поэтому употреблены такие выражения, как: «жид», «окаянный», «гусар присяжный» (т.-е. приносивший присягу царю) и др. *Горелка* или горилка—украинская водка. См. примечание к предыдущей балладе о реализме в русской поэзии.

ВОЕВОДА.

(Перевод с польского из А. Мицкевича.)

Поздно ночью из похода
Возвратился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого;—пуста кровать.

И мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
„Гей, ты, кликнул, чортов кус!

„А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я ж ее!“

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад,—и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: „Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что́ любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,—
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,—
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать.“

Панна плачет и тоскует,
Он колена ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
„Пан мой, целить мне не можно,
Бедный хлопец прошептал:
Ветер что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал.“

— Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб... Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди.“

Выстрел по саду раздался,
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

1833 г.

Эта баллада — перевод стихотворения великого польского поэта Адама Мицкевича, и в ней изображен быт и нравы старой Польши. *Воевода* — звание военачальника или губернатора. *Гайдуки* («гайдучье племя») — слуги. *Хлопец*, по-нашему, — «малый»; *хлопцы* — «ребята». *Чортов кус*, *не можно* (вместо «нельзя») — характерные выражения для поляков. *Пан*, *панна*, по-польски, — «господин», «госпожа» или «сударь», «сударыня».

СКАЗКА И ПОЭМЫ.

ЖЕНИХ.

Три дня купеческая дочь
  Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
  Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
  Наташа их не слышит,
  Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
  И долго приступали,
И отступились, наконец,
  А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
  Опять пошла с сестрами
  Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот
  С подружками своими
Сидела девица,—и вот
  Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковромъ,
  В санях он стоя правит
  И гонит всех и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
  Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
  Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит:
„Он! он! узнала!“ говорит,
  „Он, точно он! Держите,
  Друзья мои, спасите!“

Печально слушает семья,
  Качая головою,
Отец ей: „Милая моя,
  Откройся предо мною,
Обидел кто тебя, скажи.
Хоть только след нам укажи.“
  Наташа плачет снова.
  И более ни слова.

На утро сваха к ним на двор
  Нежданная приходит,
Наташу хвалит, разговор
  С отцом ее заводит:
„У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
  И статный, и проворный,
  Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
  Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
  Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
  И перстни золотые,
  И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
  Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
  Да в церковь с образами?"
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
  А бедная невеста
  Себе не видит места.

„Согласен,—говорит отец;—
  „Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
  Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все касатке распевать,
  Пора гнездо устроить,
  Чтоб детушек покоить."

Наташа к стенке уперлась
  И слово молвить хочет,—
Вдруг зарыдала, затряслась,
  И плачет, и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
  И льет остаток чаши
  На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
  Опомнилась Наташа
И говорит: „Послушна я,
  Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
  На славу мед варите,
  Да суд на пир зовите."

„Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
И жизнь отдать!“—И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених,—и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел,
Все шумно, гости пьяны.

Жених.

„А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?“

Невеста жениху в ответ:
„Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день, и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит“.
Отец ей: „Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?“

„Мне снилось,—говорит она,—
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней; стучу — молчат; зову —
Ответа нет: с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде сребро да злато,
Все светло и богато."

Жених.

„А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато."

Невеста.

„Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов
И с ними голубица —
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшой,
По леву голубица —
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
  Разгульное похмелье...“

Жених.

„А чем же худ, скажи, твой сон?
  Вещает он веселье.“

Невеста.

„Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
  Пир весело бушует,
  Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, не ест, не пьет,
  И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
  Присвистывая точит:
Глядит на девицу-красу
И вдруг хватает за косу:
  Злодей девицу губит,
  Ей праву руку рубит.“

„Ну, это,—говорит жених,—
  Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
  Поверь, душа девица.“
Она глядит ему в лицо.
„А это с чьей руки кольцо?“
  Вдруг молвила невеста,
  И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
  Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости,—суд гласит:
  „Держи, вязать злодея!“

Злодей окован, обличен
И скоро смертию казнен
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.
1825 г.

В этих стихах Пушкин искусно пересказал одну распространенную русскую сказку, которую слышал от своей няни (Арины Родионовны). Так как сказка была сложена в старину, то и в балладе изображены старинные обычаи и нравы: девушки живут в «светелках» отдельно от остального дома и только изредка выходят с подругами посидеть под воротами; сваха сравнивает жениха с «боярином», как прежде назывались лица высшего сословия, и т. под. В старину, действительно, бывали и разбойники, которые по ночам промышляли своим преступным делом, а днем появлялись в городах под видом зажиточных купцов. Всему стихотворению придан Пушкиным склад народной песни.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,—
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец,—
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С брегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!

Опасность, кровь, разврат, обман
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,
И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.
Простерты на земле сырой,
Иные чутко засыпают,
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.
Другим рассказы сокращают
Угрюмой ночи праздный час;
Умолкли все,—их занимает
Пришельца нового рассказ,
И все вокруг его внимает.

„Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Нам, детям, жизнь была не в радость:
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;—
Мы жили в горе, средь забот...

Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

„Ах юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы все делили пополам.
Бывало, только месяц ясный
Взойдет и станет средь небес,
Из подземелия мы в лес
Идем на промысел опасный.
За деревом сидим и ждем:
Идет ли позднею дорогой
Богатый жид иль поп убогий,—
Все наше, все себе берем!
Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?
Завидели в харчевне свечи,—
Туда! к воротам! и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли—все даром: пьем, едим
И красных девушек ласкаем!

„И что ж? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали нас,—и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами
И вынесть больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел,—он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвенье, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,
Он умирал, твердя всечасно:
„Мне душно здесь. . я в лес хочу...
Воды, воды!..“ Но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновались —
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал
И поминутно призывал
К себе товарища и друга.
Он говорил: „Где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не он ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил
И ночью там, могущ и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем
И позабыл в завидной доле
Он о товарище своем!..“

„То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.

Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил:
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
„Брат, сжалься над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его,—он не опасен;
В нем крови капли теплой нет...
Не смейся, брат, над сединами,
Не мучь его... авось, мольбами
Смягчит за нас он Божий гнев!..“
Я слушал, ужас одолев,
Хотел унять больного слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов;
То слышал их ужасный шопот,
То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горою,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей
И страшный ход до места казни,
И кнут, и грозных палачей...
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упадал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

„Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,

И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

„По улицам однажды мы
В цепях для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье
И согласились в тишине
Исполнить давнее желанье.
Река шумела в стороне,
Мы к ней—и с берегов высоких
Бух!—поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,
Песчаный видим островок,
И, рассекая быстрый ток,
Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: „Лови! лови! уйдут!“
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою...
Погоню видим за собою,
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет—
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину;
С ружьем в руках он в брод упрямо,

Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо,—
И хлынула на волны кровь;
Он утонул,—мы в воду вновь.
За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли.

„Но бедный брат...
И труд, и волн осенний хлад
Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,
И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был:
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул,—
И на груди моей уснул.

„Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Все ждал, очнется ли мертвец,
И горько плакал. Наконец,
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь их нет, как нет!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набеги,—

Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий;
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил.“

Умолк и буйной головою
Разбойник в горести поник,
И слез горючею рекою
Свирепый оросился лик.
Смеясь, товарищи сказали:
„Ты плачешь! полно, брось печали;
Зачем о мертвых вспоминать?
Мы живы, станем пировать,—
Ну, потчевай сосед соседа!“
И кружка вновь пошла кругом;
На миг утихшая беседа
Вновь оживляется вином...
У всякого своя есть повесть,
Всяк хвалит меткий свой кистень.
Шум, крик... В их сердце дремлет совесть:
Она проснется в черный день.

1822 г.

Часть этой поэмы, именно побег разбойников, — истинное происшествие, которого Пушкин сам был свидетелем. Поэма сначала была гораздо больше по размерам, но поэт сам сжег ее конец, будучи им недоволен: уцелела только первая часть (глава). В этом отрывке молодой поэт (Пушкину было тогда 22—23 года) сумел показать, как светлые человеческие чувства

сохраняются в душе самого закоснелого злодея и как на дорогу преступлений толкают многих несправедливые условия жизни: тяжелое, безрадостное детство и т. под. В первоначальных черновых набросках поэмы этот последний вопрос был в тронут подробнее, так, напр., в черновых тетрадях Пушкина были найдены следующие относящиеся к этой поэме стихи:

Никто сирот не утешал
Хвалой иль ласкою приветной;
Родясь для горя, для забот,
От колыбели перволетной
К унынью привыкали мы,
Своих ровесников чуждались.
Невольно юные умы
Суровой думой омрачались... и т. под.

ГАЛУБ.

I.

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Галуба-старика.
В нежданной встрече сын Галуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Ташартуба.
В родимой сакле он лежит;
Обряд творится погребальный;
Звучит уныло песнь муллы;
В арбу впряженные волы
Стоят пред саклею печальной;
Двор полон тесною толпой;
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют в нагрудны брони;
И внемля шум небоевой,
Мятутся спутанные кони.

Все ждут. Из сакли, наконец,
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят,
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать.

— —

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смиряя молча пыл коней.
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,—
Там ныне в тень могилы хладной
Он ляжет бледный и немой...

———

Уж труп землею взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу,
И к скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:

„Тому прошло тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришед,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галуб, покорен будь судьбе!
Другого я привел тебе
Вот он. Ты голову приклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю им заменишь;
Труды мои ты сам оценишь, —
Хвалиться ими не хочу.“

Умолкнул. Смотрит торопливо
Галуб на отрока. Тазит,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижим предстоит.
И в горе им Галуб любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дни, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честью провожать,
С благословеньем и дарами.
„Ему ж, — отец печальный мнит, —
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.“

II.

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Галуба. Но Тазит
Все дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один молчит и бродит.
Так в сакле пойманный олень
Все в лес глядит, все в глушь уходит.
Он любит по крутым скалам
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, под горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольного куда
Младые сны его уводят?
Как знать? Незрима глубь сердец!
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...
Но отец
Уже Тазитом недоволен.
„Где ж, - мыслит он,—в нем плод наук:
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство...
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик?“

III.

Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дня в ауле нет его;
На третий он домой приходит.

Отец.

— Где был ты, сын?

Сын.

— В ушелье скал,
Где прорван каменистый берег
И путь открыт на Дариал.

Отец.

— Что делал там?

Сын.

— Я слушал Терек.

Отец.

— А не видал ли ты грузин,
Иль русских?

Сын.

— Видел я: с товаром
Тифлисский ехал армянин.

Отец.

— Он был со стражей?

Сын.

— Нет, один.

Отец.

— Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты свалить его
И не прыгнул к нему с утеса?

———

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

IV.

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.

Отец.

— Где был?

Сын.

— За Белою горой.

Отец.

— Кого ты встретил?

Сын.

— На кургане
От нас бежавшего раба.

Отец.

— О, милосердная судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил.

———

Тазит опять главу склонил.
Галуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодованье.

„Нет.—мыслит он,—не заменит
Он никогда другого брата!
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают злата;
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды:
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с ногайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать.“

V.

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает;
На третий, бледен как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
„Где был ты?“

Сын.

— Около станиц
Кубани, близ лесных границ.

Отец.

— Кого ты видел?

Сын.

— Супостата.

Отец.

— Кого, кого?

Сын.

— Убийцу брата...

Отец.

— Убийцу сына моего?
Тазит! Где голова его?
Дай нагляжусь!

Сын.

— Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Отец.

— Ты долга крови не забыл...
Врага ты навзничь опрокинул...
Не правда ли? Ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул?
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем?..
Где ж голова? Подай!.. Нет сил..

Но сын молчит, потупя очи,
И стал Галуб чернее ночи,
И сыну грозно возопил:
„Поди ты прочь: ты мне—не сын,
Ты—не чеченец, ты—старуха,
Ты—трус, ты—раб, ты—армянин...
Будь проклят мной! Поди, чтоб слуха
Никто о робком не имел.
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно;
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно;
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали

И как волченка затерзали,—
Чтоб ты... Беги, беги скорей!
Не оскверняй моих очей!“
Сказал и наземь лег—и очи
Закрыл и так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Был темен синий небосклон...

Черкесы и чеченцы — племя, живущее в горах Кавказа, которое во времена Пушкина было еще полудиким и, хотя внешне исповедывало мусульманство, оставалось предано старинным языческим обрядам, в том числе — «кровавой мести»: ближайшему родственнику убитого вменялось в обязанность отомстить за убийство также убийством. Пушкин изобразил появление в такой среде юноши, воспитанного в других убеждениях, притом мечтательного и кроткого по характеру. *Кунак*—приятель. *Адехи* — наездники. *Мулла* — священнослужитель у мусульман. *Сакля* — хижина. *Арба* — телега. *Азраил* — ангел смерти у мусульман. *Ногайцы* — тоже кавказское племя. *Уздени*—молодые воины, исполняющие обязанности слуг. *Дарьял* — ущелье в горах. *Анапа* — приморский город. *Терек* и *Кубань*—реки. *Шашка*—большой кинжал, сабля. *Армяне*, также живущие на Кавказе, были народ более просвещенный, охотно занимались торговлей. Черкесы их презирали за то, что в них не было дикой удали горцев; так же относились черкесы к *грузинам*. Развалины *Таштуба* считались священным местом, так что убийство близ них было вдвойне преступным.

Пушкин дважды был на Кавказе—в ранней юности, в 1820 г., и позже, в 1829 г. Поэма основана на личных наблюдениях и вполне верно передает нравы, обычаи и весь образ жизни кавказских горцев того времени. Ведя постоянную войну с русскими, эти горные племена высшей доблестью считали храбрость, были чужды милосердия и других кротких чувств. В юности Пушкин написал другую поэму из кавказской жизни: «Кавказский Пленник» (см. в издании «Народной Библиотеки»); в ней жизнь горцев изображена преимущественно с внешней стороны; в «Галубе», напротив, внимание поэта сосредоточено на миросозерцании горцев, на особенностях их душевного мира. К сожалению, поэма осталась Пушкиным незаконченной.

СОДЕРЖАНИЕ.

Баллады (рассказы в стихах).

Сказка и поэмы

Сведения о жизни Пушкина даны в книжках «Народной Библиотеки» под заглавием: А. С. Пушкин, «Стихотворения», «Стихотворения разных веков и народов», «Стихотворения о разных странах», «Мысли» и «Стихи о свободе» (издания под редакцией и с примечаниями Валерия Брюсова). В той же «Библиотеке» изданы еще сочинения Пушкина: «Цыганы» (поэма), «Медный Всадник» (поэма), русские народные песни, собранные Пушкиным, и др.

[illegible]